

Как сочетать безопасность, национализм и равенство прав? Случай Латвии

[Борис Цилевич](#)

Латвия – чрезвычайно интересный кейс взаимоотношений крупных этнических групп внутри унитарного государства. Почему здесь есть неграждане? Почему национализм сильнее в политике, чем в обществе? Как российско-украинская война повлияла на отношение к русским жителям Латвии? И почему проблема безопасности угрожает принципам равенства прав во всем мире?

За независимость Латвии многие русские выступали наравне с латышами

Межэтнического конфликта в Латвии нет. Да, напряженность есть, она со временем возрастает или снижается, и это можно отслеживать. В частности, после начала полномасштабной агрессии России против Украины социологи отмечали рост напряженности, это признают и латыши, и русскоязычные, но русскоязычные ощущают больше.

Напряженность и идентичность

В Латвии нет выраженной сегрегации. Например, в Эстонии русские отделены географически: они живут на северо-востоке, в регионе Ида-Вирумаа (Нарва, Силламяэ, Кохтла-Ярве), плюс половина Таллина. В остальной Эстонии русских очень мало. В Латвии русскоязычных много во всех городах и в Латгалии, они гораздо более равномерно распределены по территории. Во все исторические периоды межэтническое взаимодействие было достаточно активным. При всех режимах практически каждый четвертый брак был этнически смешанный, латышско-русский. Это продолжалось поколениями, и сейчас говорить о каких-то четких различиях «по крови» вообще сложно.

Идентичность определяет, как это принято в современной Европе, личный выбор человека. У нас часто бывает так, что, допустим, человек с фамилией Иванов ощущает себя латышом и по-русски практически не говорит, а Берзиньш не говорит по-латышски, большой патриот России или даже поклонник Путина. Отсутствие четкой границы отличает Латвию от других таких биполярных обществ (не лучший термин, но иногда употребляется по отношению, например, к Казахстану, где есть «большое меньшинство» и «маленькое большинство»). Выбор идентичности определялся и внешними соображениями — так, в советское время русским было быть выгоднее и престижнее. В Латвии накануне восстановления независимости формальные этнические пропорции были 52% на 48%.

Нет этнического насилия

Латвия — один из очень немногих регионов Европы, где практически никогда не было этнически мотивированного насилия. С начала 1990-х годов конфликтологи спрашивают: в чем природа этого феномена? Ведь по всем формальным показателям — количественное соотношение 50 на 50, различные взгляды на историю, асимметричное двуязычие,

определенные различия в занятости — у вас должен быть очень высокий конфликтный потенциал, почему вы не деретесь?

Есть разные теории на этот счет. Важно, что для жителей Латвии мир и ненасилие являются приоритетной ценностью, независимо от политических взглядов. Это огромный плюс. Обычно напряженность, конфликтный потенциал зарождаются в обществе, а демократическое правительство пытается как-то решать эту проблему: борется с нетерпимостью, дискриминацией, экстремизмом, содействует доверию между группами. У нас наоборот. Общество существует более или менее нормально, — не хочу сказать, что латвийское общество такое совсем продвинутое, есть масса других проблем, — но этническое насилие в обществе отрицается, мирное сосуществование ценится. А идеи, которые ставят под угрозу гражданский мир, исходят не столько от творческой интеллигенции, как это обычно бывает, сколько от политического класса.

Проблема не в том, что у нас есть одна сильная националистическая партия. Проблема в том, что все партии очень сочувственно относятся к националистическим идеям. Когда-то услышал выражение, которое очень точно характеризуют Латвию: наша проблема не в том, что в обществе существует нетерпимость, наша проблема в *терпимости к нетерпимости*.

Датский исследователь Йорген Поулсен еще в 1994 году, сравнивая Литву и Латвию, пришел к выводу, что литовцы — это «демократические националисты». У них довольно высокий уровень бытовой неприязни к «другим», но абсолютное большинство считает, что все граждане должны иметь абсолютно равные права независимо от происхождения, религии и так далее. В Латвии ситуация была противоположная: толерантность на бытовом уровне достаточно высока, но большинство считало, что Латвия — государство латышей, и управлять им должны латыши. Да, мы должны быть гуманными к соседям, но — мы хозяева, а они гости.

Конечно, были попытки сформулировать этот подход юридически. Бывший президент Эгилс Левитс учился в Германии, он сторонник старой германской школы, тех идей немецкого национализма, от которых сама Германия давно отказалась. По его инициативе появились, в частности, поправки к Конституции — через 100 лет после принятия к ней добавили

преамбулу. Примерно такую, какие были обычным делом в XIX веке, во времена романтического национализма. Вплоть до использования таких терминов как «государствообразующая нация» (который кроме как в русскоязычном контексте вообще нигде не звучит). За эту идею в итоге проголосовали все партии, кроме нашей оппозиционной фракции «Согласие». Да и в обществе серьезной оппозиции не было.

Советское наследие

Когда Латвия становилась независимой, я был активистом Народного фронта — но тогда я был простым советским технарем, занимался математическим моделированием, в политических науках не разбирался. Сейчас задним числом я понимаю, что проблема — в сохранении советской концепции национальной политики. Советская система этнотерриториальной иерархии наиболее последовательно отражала принципы национализма: каким-то этническим группам была положена своя союзная республика, другим только автономия, третьим вообще ничего. Антропоморфный подход, когда есть «хорошие» этнические группы и «плохие», которых надо наказывать, депортировать, не доверять им. Когда очень тщательно соблюдались этнические пропорции при формировании органов власти: например, большинство в Верховном совете Латвийской ССР должно было быть обязательно у латышей, первый секретарь должен был быть латышом, а второй, присланный из Москвы, — русским. И национальные элиты это принимали. В 1986 году в Казахстане первым секретарем избрали (то есть назначили) русского, Геннадия Колбина, и в Алма-Ате произошли первые волнения на этнической почве — потому что был нарушен принцип этнической иерархии.

В Латвии эта идея — что государство принадлежит латышам — объединяла национал-коммунистов и новую элиту. То, что необходимо обеспечить власть латышам, было аксиомой. Те, кто подвергал это сомнению, автоматически воспринимались как враги независимости. В Народном фронте, кстати, до определенного момента доминирующая позиция была иной, это было широкое движение, в которое входили люди с разными взглядами. Но национализм, как показывает практика, всегда побеждает. На базе Народного фронта возникло несколько партий, я принадлежал к той группе, которая создала социал-демократическую Партию народного согласия. Мы всегда были в меньшинстве

и в политической изоляции на национальном уровне — хотя имели самую крупную фракцию в парламенте и посты мэров в ряде крупных городов, включая Ригу.

Власть и гражданство

В период «атмоды» («пробуждения») активно обсуждали: как обеспечить власть латышам в ситуации 50 на 50? В конце концов появилась концепция восстановленного гражданства. Она выглядела юридически привлекательной, потому что международное право просто не имело (и сейчас не имеет) четких предписаний для таких ситуаций. Независимость Латвии была не провозглашена заново, она была восстановлена после 50 лет оккупации. На этом основании гражданами были признаны лишь прямые потомки тех, кто имел гражданство Латвийской Республики до советской оккупации в 1940 году. Абсолютное большинство латышей получили гражданство, а среди русских гражданами стали только 42%.

Почему международные организации это приняли? Все тогда очень боялись конфликта. Если бы в выборах участвовали все, вероятно, соотношение сил в парламенте было бы 50 на 50, и его работа могла быть легко заблокирована. А если официальная власть недееспособна, проблемы решаются на улицах. Этого и боялось международное сообщество, хватало Югославии, Закавказья, Приднестровья.

Такое решение было одобрено как временная мера. Подразумевалось, что быстро будут приняты все основные законы, правовая система стабилизируется, экономические реформы будут проведены, и потом уже можно решать с гражданством. Естественно, так не получилось. Я недавно встретился с человеком, который в начале 1990-х был экспертом Совета Европы. Он сказал мне: «Знаешь, мы в кошмарном сне не могли себе представить, что пройдет 30 лет, а в Латвии будет все еще 100 тысяч неграждан».

Естественно, когда какая-то группа получает власть, она не очень торопится делиться этой властью с другими. Поскольку интересы почти половины населения не были адекватно представлены в законодательных органах, они игнорировались. Был принят целый ряд решений, которые не соответствовали интересам этой части населения, это касалось

использования языков, прав неграждан, приватизации. И, конечно, это серьёзно повлияло на настроения многих русскоязычных. Не привело к ситуации типа Приднестровья — но вызвало отчуждение, люди, особенно голосовавшие на выборах за Народный фронт, перестали доверять государству.

Очень многие уехали. Первая волна, в начале 1990-х — те, у кого не было постоянной прописки, кто недавно приехал в Латвию или был как-то связан с советской армией. В новых административных структурах поначалу работало много людей, идеологически ангажированных. Правда, довольно быстро эта ситуация закончилась. Как правозащитник, я видел, что лет через 15 практически пропали жалобы на откровенное нарушение закона чиновниками. Бюрократическую работу действительно удалось выстроить. И сейчас к тем структурам, которые работают с негражданами, претензий практически нет. Управление натурализации стало настоящим европейским учреждением.

Но системные проблемы остались. Это касается, конечно, использования языка. Значительная часть общества считает, что «всё-таки это наши русские», это часть Латвии, с ними надо как-то договариваться, уважать их. А политиков такие настроения скорее раздражают, они стремятся закручивать гайки, насколько возможно.

Ценности и язык

Характерный пример — медийное законодательство. Ещё с 1990-х продвигалось законодательство, нацеленное на сокращение телевизионного и радиовещания на других языках. Закон разрешал на частных радиостанциях и телеканалах не более 30% вещания на других языках (позднее эту квоту снизили до 25%). В 2003 году мы выиграли дело в Конституционном суде: суд согласился, что свобода слова подразумевает и право выбора формы, в том числе языка. Идея законодателей была такая: мы отключим телевидение на русском, русские будут смотреть латышские каналы — и интегрируются, и язык подучат, и правильные меседжи получат. Но на практике русскоязычные просто переключились на российское кабельное телевидение.

Я много лет был зампреда комиссии сейма по правам человека и общественным делам, которая, помимо прочего, занималась и вопросами СМИ. Мы годами на эту тему спорили, я говорил коллегам:

помню советское время, когда работали «глушилки», но все равно мы слушали BBC и «Свободу». Сейчас, в XXI веке, когда есть интернет, VPN и прочее, вы действительно надеетесь, что отключите русское телевидение — и люди будут смотреть латышские передачи?

Наоборот, надо создавать альтернативу, латвийское русскоязычное медийное пространство, чтобы полемизировать с кремлевскими нарративами! Но возобладала националистическая концепция: язык однозначно идентифицируется с государством. Если ты лоялен Латвии, ты обязан перейти на латышский язык. Да, дома ты можешь говорить на русском, но социальная норма — это латышский. Я же всегда считал, что норма — это разнообразие. Официальный язык, конечно, нужен, его использования нужно требовать в определенных законом ситуациях. Но необоснованные ограничения на использование русского языка — не повышение безопасности, а наоборот, угроза для безопасности.

Вот недавние новые требования знать государственный язык для группы российских граждан с постоянным видом на жительство в Латвии. Это, как правило, люди с низким уровнем образования, пенсионного или предпенсионного возраста, большинство из них в кризис 2008–2009 года приняли российское гражданство, чтобы получать от РФ пенсию. Многим помогают дети, которые знают латышский, натурализовались. Теперь родители, не сдавшие латышский, потеряют постоянный вид на жительство и, в частности, лишатся бесплатной медицины. За лечение придётся платить детям, это немалые суммы. Как дети будут относиться к таким действиям государства, повысит ли это их лояльность?

К сожалению, после начала полномасштабной войны в Украине те меры, которые не получали в Латвии поддержки или, по крайней мере, откладывались, были немедленно приняты. В отношении школ, в отношении советских памятников, в отношении российских граждан и так далее. Эмоциональная реакция латышского общества на путинскую агрессию понятна, особенно учитывая, что война начата под лозунгами «в защиту русских». Хорошо, что удалось запустить, в частности, программу поддержки российских журналистов в эмиграции, хотя сопротивление было серьёзное.

Наш регулятор видит свою задачу в том, чтобы медийное пространство Латвии стало латышским. На деле же просто дарит зрителей кремлевским пропагандистам.

Давление национализма

Латвия — демократическая страна, это значит, в частности, что человек может нормально жить и работать, минимально контактируя с государством. Например, у технарей, программистов рабочий язык — английский. Конечно, они все знают латышский, но многие пользуются им раз в год, когда заполняют налоговую декларацию. Довольно типичная ситуация. Националистов это страшно раздражает: как так? Почему они живут в Латвии, но не пользуются ежедневно латышским? давайте ограничим возможности использовать другие языки!

Но если это делать, придется отступить от демократии, влезать в дела частного бизнеса... Споры идут уже 30 с лишним лет: где заканчивается общественная сфера, куда государство имеет право вмешиваться, и начинается частная, где выбор языка — сугубо личное дело?

Давление есть. И оно серьезно снижает привлекательность Латвии. Есть объективный показатель — демография. Мы потеряли почти 800 тыс. человек за тридцать лет. Было 2,66 млн по последней советской переписи 1989-го года. Сейчас 1,87 млн. И смертность превышает рождаемость, и сальдо миграции отрицательное. Уезжают в страны ЕС, уезжают и латыши, и русскоязычные — практически одинаково. Уезжают разные люди, но всё же в основном молодые, профессионалы. По данным исследований профессора Латвийского университета Михаила Хазана, доля людей с высшим образованием среди уехавших в два раза выше, чем среди оставшихся.

Многие международные компании, особенно в сфере IT, выбирали Ригу для своих офисов — тут разумные цены, неплохой климат, хорошая экология, отличный интернет, квалифицированная рабочая сила. Сейчас тенденция меняется: местной рабочей силы гораздо меньше, компании все больше вынуждены рекрутировать индийцев, иранцев, казахов.

Споры идут и в латышской среде: чего мы хотим? национальный заповедник, где будем выращивать экологически чистые продукты, проводить Праздники песни, получать какие-то деньги из Евросоюза на поддержание культуры и от НАТО на вооружения? или хотим динамично развиваться и ради этого мириться с возрастающим языковым и культурным разнообразием?

Отношение к России, к войне, среди русскоязычных постепенно меняется. Если после 2014 года вдвое больше было на стороне России, чем на стороне Украины, то сейчас большинство за Украину. Очень многие, впрочем, своего отношения не высказывают, в соцопросах отвечают: не знаю, нет мнения...

Ключевой фактор — возраст. Позиция молодых русских по многим вопросам ближе к позиции молодых латышей, а не пожилых русских. Часть молодёжи ассимилируется. В школах ограничения уже давно. Если хочешь хорошее образование, идешь в латышскую гимназию. Когда ребята мотивированные и подготовленные, то, что у них родной язык другой — скорее плюс, они выигрывают в конкуренции на рынке труда. Но, с другой стороны, перевод обучения на латышский вызывает очень большие проблемы с ребятами из более слабых, бедных семей.

Риск маргинализации увеличивается значительно. На родном языке ребенок как-то 9 классов заканчивал. А сейчас на латышском математика, физика — это непреодолимо.

Коэффициент Джини у нас и так достаточно высокий, и, к сожалению, нет серьезных данных о корреляции неравенства с родным языком, с этническим происхождением. В Евросоюзе тщательно анализируют статистику; если есть явные диспропорции, какая-то этнокультурная группа значительно отличается по уровню доходов, безработицы, уровню образования, то это сигнал: нужны дополнительные усилия по выравниванию, специальные программы, разумные меры. У нас этих данных просто нет, их не собирают. Поэтому одни активисты утверждают, что русские живут хуже латышей, а другие, наоборот, — что лучше. Это политизированный подход, ориентированный скорее на пиар, чем на реальное создание общества равных возможностей.

Безопасность против равенства

Впервые права меньшинств появились еще в XVII веке, в [Оливском мирном договоре](#) 1660 года. Тогда это было связано исключительно с безопасностью — нужно было обеспечить минимальные права религиозных меньшинств, чтобы исключить возможные *casus belli*. Так продолжалось вплоть до Первой мировой войны и создания Лиги наций. Система договоров о правах меньшинств под эгидой Лиги Наций тоже была направлена на предотвращение конфликтов, ведь проблемы,

связанные с меньшинствами, стали одной из причин Первой мировой войны. Тем государствам, которые в результате войны были признаны или получили дополнительные территории, пришлось взять на себя некоторые обязательства по защите меньшинств.

Систему договоров под эгидой Лиги Наций полностью дискредитировал Гитлер, захватив Судеты под предлогом защиты прав судетских немцев. Увы, история повторяется — сейчас Путин делает то же самое, развязав агрессивную войну под предлогом защиты «русских соотечественников», дискредитируя систему ООН и Совета Европы.

В 1948 году была принята Всеобщая декларация прав человека. Это был прорыв, универсальность прав человека стала ключевым принципом, краеугольным камнем. Нормы по правам меньшинств рассматривались уже в контексте общих ценностей, в первую очередь недискриминации и универсальности прав. В 1990 году появился [Копенгагенский документ ОБСЕ](#), где впервые были сформулированы права меньшинств уже в современном варианте, и затем политические обязательства Копенгагенского документа трансформированы в юридические нормы в виде [Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств](#). В современной системе права меньшинств — это неотъемлемая часть фундаментальных прав человека, а не только прагматичный механизм обеспечения стабильности.

До конца 1990-х годов этот подход доминировал, но потом безопасность вновь постепенно выходит на первый план (происходит *ресекьюритизация*). Изменение приоритетов связывают, в частности, с ростом терроризма, в первую очередь с атакой на нью-йоркские башни-близнецы 9 сентября 2011 года. И чем дальше, тем больше права меньшинств рассматриваются именно в контексте безопасности.

Вплоть до середины XX века культурная гомогенизация, ассимиляция рассматривалась как естественная цель государства. Право на идентичность, разнообразие как ценность — все это появилось только в системе ООН как составная часть гуманистических идеалов, ставших ответом на ужасы Второй мировой войны. Сегодня мы видим обратный тренд, не только в Восточной Европе, но и в Западной — там это связано в первую очередь с ростом иммиграции.

Идея торжества разнообразия постепенно тоже сходит на нет. Всё более популярной становится концепция постколониализма — междисциплинарный подход, при котором ключевым фактором считается преодоление последствий колониализма. Это подход, по сути, — альтернатива идее индивидуальных прав, оперирует понятиями коллективной вины, компенсаций за исторические несправедливости и т. д.

Мы живем в интересное время, когда формально все эти ценности — *unity in diversity, all different— all equal* и т. д. — все еще написаны на флагах, доминируют в риторике, но практика все дальше от них отходит. И это проявляется, помимо прочего, и на уровне политики Евросоюза, и в решениях Европейского суда по правам человека. Как этот кризис разрешится, не берусь предсказывать, но в ближайшей перспективе оптимистичных сценариев не вижу.

Борис Цилевич - латвийский правозащитник, политик, депутат сейма и член ПАСЕ (1998–2022)

Черно-белый мир

Этот текст – часть тематического цикла, посвященного поляризации, нетерпимости и ненависти в современном мире. Почему мы стали больше ненавидеть друг друга? что с этим можно сделать? Объясняют психологи, историки, культурологи, социологи, политологи, экономисты, правозащитники.

Материал подготовил Андрей Сеницын, основой послужило интервью с Борисом Цилевичем.

Предыдущие публикации цикла:

[Венгрия для венгров? Чем закончился проект национального государства в полиэтнической стране](#)

[Война собственных мнений: как социальный прогресс привел к росту нетерпимости](#)

[Россияне на Западе. Разделенная идентичность и долгий путь к анархии](#)

[«Все будет только хуже»: почему будущее больше не вдохновляет?](#)

[Горевание делает ненависть ненужной. Но если общество захвачено ненавистью, его остановят только потрясения](#)

[Донбасс в плену ненависти: как политическая конфронтация 2004–2014 годов посеяла семена войны](#)

[Нетерпимость и политика: как Польша могла, но не стала сверхдержавой XVII века](#)